

**Собрание сочинений Ив. Ив.
Панаева**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С54

С54 Собрание сочинений Ив. Ив. Панаева: Том 4 / – М.: Книга по Требованию,
2024. – 586 с.

ISBN 978-5-458-16074-2

ISBN 978-5-458-16074-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр</i>
1856. Хлыщи: Великосвѣтскій хлыщъ	1
„ Провинціальныи хлыщъ.	123
„ Хлыщъ высшей школы	206
1846. Парижскія увеселенія.	259
1845. Маменькинъ сыночекъ. Повѣсть въ 2-хъ част.	290
1858. Внукъ русскаго миллионера	496

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ ХЛЫЩЪ.

ГЛАВА I.

ДАГЕРОТИПЪ СЪ АРТИСТИЧЕСКАГО СЕМЕЙСТВА И О ТОМЪ, КАКЪ ПРИЯТНО ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ ВЪ ТАКИХЪ СЕМЕЙСТВАХЪ.

Я знаю лѣтъ двадцать Грибановыхъ. Отличнѣйшее семейство, и притомъ съ артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляютъ жизнь этого семейства. Оно совсѣмъ погружено въ изящное. Всякій артистъ, какой бы маленькій талантикъ ни имѣлъ, въ какой бы крошечной сферѣ ни дѣйствовалъ, хотя бы только искусно игралъ на балалайкѣ, навѣрно будетъ принятъ въ этомъ почтенномъ семействѣ съ распростертыми объятіями. Литераторъ бѣжитъ туда читать свое новое произведеніе, еще не оконченное; художникъ показать свои эскизы, только что набросанные небрежно карандашомъ, и въ которыхъ ровно ничего разобрать нельзя—и тотъ и другой увѣрены, что найдутъ глубочайшее сочувствіе. Хозяинъ дома, съ большимъ искусствомъ вырѣзывающій изъ бумаги силуэты; его свояченица, замѣнившая въ домѣ умершую хозяйку; превосходно лѣпящая цвѣты изъ воска; сынъ, пишущій стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой,—все ахаютъ и восхищаются, слушая новое произведеніе литератора и рассматривая новые эскизы художника, и потомъ повторяютъ своимъ знакомымъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца,

каждому по очереди: «Ахъ, какую повѣсть читалъ намъ N. N.!» «Ахъ, какіе эскизы показывалъ намъ Д. Д.!» «Ахъ, сколько у нихъ таланта!» и проч. Доброта этихъ людей простирается до того, что они приходятъ въ восторгъ отъ всякаго, даже плохого произведенія, если только оно въ первый разъ прочитано или показано въ ихъ домѣ. Правда, о произведеніяхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ, которыя не были имъ читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что ни одно замѣчательное произведеніе не можетъ не быть предварительно имъ извѣстно, что всѣ художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, пѣвцы и пѣвицы, знакомые имъ—люди, непременно обладающіе высокими талантами, и что тѣ, которые не имѣютъ этой чести, едва ли могутъ имѣть и дарованіе. Нѣжная привязанность другъ къ другу, соединяющая членовъ этого семейства, поистинѣ замѣчательна. Отецъ обожаетъ своихъ дѣтей, дѣти обожаютъ отца, тетка обожаетъ племянника, племянникъ тетку... Въ этомъ домѣ всѣ обожаютъ другъ друга. Если отецъ вырѣжетъ какой-нибудь новенькій силуэтчикъ, сынъ немедля приходитъ отъ него въ восхищеніе и бѣжитъ къ теткѣ.

— Посмотрите,—говоритъ онъ,—какую удивительную вещицу вырѣзала папенька, съ какимъ вкусомъ, съ какимъ изяществомъ, это просто художественно!

— Ахъ, какая прелесть!—воскликаетъ восхищенная тетка.

Если сынъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его отцу и теткѣ, отецъ, пожимая плечами отъ удивленія, со слезой на рѣсницѣ восклицаетъ:

— У, какъ это хорошо! Какой стихъ! Какая мысль! Я никогда ничего не слыхалъ лучше этого!

И при этомъ голосъ отца задрезжитъ, умиленный, какъ порванная струна.

— Это маленькій *chef d'oeuvre*!—вскрикнетъ тетка, всплеснувъ руками.

Затѣмъ оба они, отецъ и тетка, закричатъ:

— Пелагея Петровна! Пелагея Петровна! Пелагея Петровна!

Приживалка, въ родѣ ключницы; прибѣжить на этотъ крикъ запыхавшись, но съ пріятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лицѣ и которая не оставляетъ ея даже въ самыя горькія минуты ея жизни.

— Что прикажете-съ?

— Послушайте-ка, матушка, — скажетъ отецъ, прищелкнувъ языкомъ, — какіе новые стихи написалъ Иванъ... лучше ничего не было написано на русскомъ!

— Ахъ, какіе стихи! — повторитъ тетка. — Пожалуйста, другъ мой, не полѣнись, прочти еще разъ.

И она нѣжно взглянетъ на племянника. Племянникъ мгновенно повинуется и начнетъ читать; отецъ между тѣмъ качаетъ въ тактъ головой во время чтенія и, смотря на Пелагею Петровну, говорить:

— Слушайте, слушайте! (хотя та и безъ того благоговѣнно слушаетъ, даже разиня ротъ отъ излишняго вниманія). — Каковъ стихъ-то! Замѣчаете, а?

И ударитъ по плечу Пелагею Петровну, а самъ такъ и залыетъ слезами, хоть бы стихи были комическаго содержанія.

Вечеромъ, когда явятся гости; сначала приживалка, разливая чай, шепнетъ непременно каждому на ушко: «Иванъ Алексѣичъ написалъ новое неподобное стихотвореніе!» Потомъ отецъ, не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ приживалки, барабаня по столу, не утерпитъ и вдругъ брякнетъ среди разговора вовсе не кстати:

— Что, Иванъ ничего вамъ не показывалъ?

— Нѣтъ-съ, — отвѣтитъ гость.

— Заставьте его прочесть: онъ написалъ новое стихотвореніе... Это вещь капитальная, необыкновенно хорошо! Изъ него вырабатывается что-то очень серьезное!

И открытое добродушное лицо старика выразитъ столько счастья при мысли, что онъ произвелъ на свѣтъ такое геніальное дитя, что и гость, даже самый нечувствительный, невольно расчувствуется.

Тетка въ свою очередь, съ свойственною ей любезностью и пріятностью занимая гостей, не упуститъ ввернуть словцо!

— Я знаю, м-г такой-то, что вы любите поэзію, или интересуетесь литературой (что-нибудь въ родѣ этого).—Ахъ, если бы вы знали, какое Иванъ Алексѣичъ написалъ стихотвореніе! Миѣ, какъ родной, совѣстно хвалить, но вы сами услышите. Погодите, я его упрощу прочесть.

И она начинаетъ искать глазами племянника. Но племянникъ вдругъ, какъ изъ-подъ полу выскочить передъ теткой, сладко улыбнется гостямъ, посмотреть на нихъ заискивающими глазами и скажетъ:

— Нѣтъ, тетушка, это право не стоитъ того, довольно слабая вещица, когда-нибудь послѣ, не теперь.

Но тогда гости начинаютъ приставать къ нему:

— Пожалуйста прочтите, сдѣлайте одолженіе, мы такъ много слышали.

— Ну, прочти же, братецъ, прочти,—вскрикнетъ вдругъ откуда-то появившійся отецъ.

Около поэта составитя кружокъ, и онъ начнетъ декламировать, изрѣдка прерываемый восклицаніями: «Превосходно, прекрасно!» Послѣ декламации тетка отведетъ одного или двухъ гостей въ сторону и произнесетъ шопотомъ: «Не правда ли, какой талантъ?» На что гостямъ ничего болѣе не остается, какъ отвѣчать: «О, удивительный!»

Иногда сынъ потащитъ гостей въ кабинетъ отца и скажетъ имъ:

— Позвольте-ка, господа, я вамъ покажу чудную вещицу. Папенька вырѣзалъ недавно цѣлый пейзажъ.

И, входя въ кабинетъ, онъ начнетъ рыться въ портфель отца, приговаривая:

— Куда это старикъ зарылъ его? Не любить, чтобы смотрѣли... Чудакъ!.. да мы отыщемъ... погодите... Вотъ, вотъ, вотъ!.. Взгляните, какъ хорошо задумано, разсмотрите эту фигуру, сколько въ ней выраженія, а это дерево? Вѣдь это дубъ, настоящій дубъ!.. Вглядитесь хорошенько... Какое искусство!

И гости разсматриваютъ и удивляются. Въ такія минуты всегда нечаянно входитъ отецъ:

— Иванъ, Иванъ,—говоритъ отецъ, грозя ему пальцемъ:—

что это, полно, братецъ: ну, стоять ли это смотреть... Это такъ я шалю на старости, отъ нечего дѣлать.

— Помилуйте!—восклицаютъ гости:—какая это шалость. Это чистѣйшее искусство!

— Оно-таки точно недурно,—замѣтитъ старикъ, постепенно увлекаясь, и продолжаетъ уже голосомъ, дрожащимъ отъ умиленія:—вотъ обратите вниманіе особенно на эту коровку, что наклонилась къ водопою... Поль-потеровская коровка-то! Сколько жизни въ этомъ движеніи, замѣьте, замѣйте... Ахъ, кабы не лѣта, глаза ужъ служатъ отказываются, не то бы я еще сдѣлалъ!

И у старика закапаютъ слезы...

Въ квартирѣ Грибановыхъ, за исключеніемъ будуара и гостиной, устройствомъ которыхъ занимается Лидія Ивановна (такъ зовутъ тетку), совершенно артистическій беспорядокъ: на столахъ валяются старыя рукописи, неписанныя стихами, клочки бумаги съ различными вырѣзками, краски, книги, рисунки, и все это покрыто постоянно слоемъ пыли; но зато будуаръ и гостиная, это, такъ сказать, небольшіе храмы изящнаго: занавѣсочки, этажерочки, куколки, дѣланный и настоящій плющъ, гравированныя картинки, коврики, вышитыя подушки съ кисточками, цвѣтныя фонарики, пресъ-папье, бронзовыя ручки, ножи для разрѣзыванія книгъ, печатки—все это размѣщено съ замѣчательнымъ искусствомъ на весьма маломъ пространствѣ. Въ одномъ только углу будуара груды воску и краски; этотъ уголокъ Лидія Ивановна называетъ своимъ *ателье*. Лидіи Ивановнѣ лѣтъ поды пятьдесятъ, но при вечернемъ освѣщеніи она кажется несравненно моложе своихъ лѣтъ, чему немало способствуютъ различныя украшенія ея туалета: пугольки, бантики, кружева, цвѣточки, употребляемые ею въ большомъ количествѣ. Она говоритъ обыкновенно голосомъ тихимъ, болѣе походящимъ на шопотъ, и недосказанное или недослышанное договариваетъ глазами, на которые, кажется, значительно рассчитываетъ, потому что эти глаза, по замѣчанію старожиловъ, производили большое впечатлѣніе... Въ выраженіи лица и во всѣхъ ея движеніяхъ необыкновенная мягкость, которую только злые языки называютъ лицемѣрною сладостью.

Алексѣй Аванасьичъ (такъ зовутъ г. Грибанова) отличается простотою обращенія, искренностью въ рѣчахъ и въ манерахъ, совершенною безцеремонностью, способностью отъ всего умиляться и постоянно слезящимися глазами. Онъ весь нараспашку для всѣхъ входяихъ въ его домъ. Ему и въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ дурной, насмѣшливый или подозрительный могъ перешагнуть черезъ порогъ его квартиры. Со всѣми одинаково простодушенъ и привѣтливъ,—онъ при всѣхъ, даже при постороннихъ дамахъ, является всегда по-домашнему: въ затасканномъ скрутокѣ и въ старыхъ плисовыхъ туфляхъ, съ листомъ бумаги и съ ножницами. Ему лѣтъ подь шестьдесятъ: но онъ кажется старѣе своихъ лѣтъ, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія бодриться и молодиться. Въ чертахъ его лица много пріятности, которая невольно располагаетъ къ нему съ перваго взгляда. Онъ не вмѣшивается ни во что въ домѣ, и если у него о чемъ-нибудь спрашиваютъ, то обыкновенно отвѣчаетъ: «Я не знаю, спросите у Лидіи Ивановны». Онъ не распоряжается ничѣмъ, не располагаетъ ни одной копейкою; все, что приобрѣтаетъ, онъ несетъ къ Лидіи Ивановнѣ. Состояніе ихъ маленькое; но, чтобы «прилично поддерживать себя», какъ выражается Лидія Ивановна, Алексѣй Аванасьичъ очень усердно трудится и служитъ, не имѣя ни малѣйшаго расположенія къ службѣ и труду. Будь онъ одинъ, онъ и не подумалъ бы о службѣ; зимой лежалъ бы себѣ цѣлый день на боку да вырѣзывалъ бы свои силуэтики, а лѣтомъ бродилъ бы по лѣсу за грибами. Свои служебныя занятія онъ считаетъ пустяками, а дѣломъ—вырѣзываніе фигурокъ изъ бумаги, и хотя служебныя занятія очень тяготятъ его, но онъ никогда на это не жалуется и никому не говорить, какъ это ему не по сердцу; для того чтобы не огорчить Лидію Ивановну. Развѣ иногда только, когда ужъ придется не въ мочь, когда его завалитъ дѣлами, онъ вздохнетъ и промолвится пріятелю:

— Ахъ, если бы побольше средствъ, бросилъ бы все это и посвятилъ бы себя исключительно одному искусству. Вѣдь у меня всѣ наклонности артистическія, вѣдь я рожденъ артистомъ!

Для Алексѣя Аванасьяча всё знакомые равны: у Лидіи Ивановны есть фавориты между знакомыми и между домашнею прислугой: она не можетъ существовать безъ фаворитовъ.

Сыну Алексѣя Аванасьяча, Ивану Алексѣичу, двадцать четыре года, но ему кажется лѣтъ подь тридцать. Онъ не заботится о своей внѣшности, потому что весь погруженъ въ свой внутренній міръ, весь проникнутъ своимъ призваніемъ. И Лидія Ивановна, вовсе не пренебрегающая внѣшностью, не только прощаетъ ему его небрежность, но находитъ, что въ немъ это иначе и быть не можетъ, потому что всё люди высшихъ талантовъ, какъ извѣстно, мало занимались своимъ туалетомъ... Она въ этомъ случаѣ совершенно справедливо рассуждаетъ про племянника: «онъ чудакъ, потому что всё поэты немножко чудаки!» и при этомъ съ чувствомъ родственной гордости прибавляетъ: «повѣрите ли, онъ и галстукъ даже повязать не умѣетъ, я всегда сама ему повязываю галстукъ».

На этомъ молодомъ стихотворцѣ, не умѣющемъ повязывать галстукъ, основано все счастье, всё надежды, вся гордость артистическаго семейства. Это блестящій талантъ, разливающій свой блескъ на все его окружающее; центръ, около котораго группируются остальные семейные талантики. Онъ даетъ тонъ и направленіе всему семейству... Отецъ и тетка, замѣнившая мать, только отражаютъ и распространяютъ его мысли. Тѣ изъ знакомыхъ, которые не безусловно раздѣляютъ этотъ образъ мыслей и имѣютъ неосторожность обнаружить нѣкоторое противорѣчіе, утрачиваютъ обыкновенно доброе расположеніе почтеннаго семейства и причисляются къ людямъ остановившимся, неспособнымъ идти впередъ—просто къ отсталымъ. Чтобы пользоваться его постоянною благосклонностью и радушіемъ, чтобы прослыть въ семействѣ за человѣка замѣчательнаго и умнаго, необходимо въ каждый данный моментъ стоять въ уровень съ Иваномъ Алексѣичемъ: останавливаться вмѣстѣ съ нимъ, идти впередъ или отодвигаться назадъ. Но и отодвигаясь назадъ, увѣрять и себя и другихъ, что двигаешься впередъ и что тѣ,

которые въ самомъ дѣлѣ идутъ впередъ, останавливаются или отодвигаются назадъ.

Приговоръ сына есть приговоръ окончательный для отца и для тетки. Онъ рѣшилъ, что у сестры Наденьки недостаетъ чувства (можетъ быть потому, что она не такъ восторгается его стихами, какъ остальные члены семейства), и они безусловно приняли этотъ строгій приговоръ, и никакіе факты не разувѣряютъ ихъ въ противномъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ въ первый разъ, глубоко огорчился...

«Ахъ, жаль,—думалъ онъ,—Наденька моя дѣвочка славная и добрая, если бы у нея только чувства-то побольше, вотъ ея недостатокъ!»—«Но отчего же недостаетъ у нея чувства?—робко въ то же время шепталъ ему внутренній голосъ:—когда ты, напримѣръ, боленъ, она и днемъ и ночью ни на шагъ не отходитъ отъ твоей постели, она такъ заботливо ухаживаетъ за тобою...» Старикъ задумывается. У него слезы навертываются на глазахъ при воспоминаніи о томъ, что шепталъ ему внутренній голосъ. «Нѣтъ, что бы ни говорили, а у нея много чувства!»—продолжаетъ смѣлѣе внутренній голосъ. Старикъ очень хочетъ повѣрить внутреннему голосу; но въ эту минуту, какъ нарочно, подвертывается сынъ и начинаетъ съ большимъ краснорѣчіемъ и убѣдительною доказываешь, что такое чувство и почему именно у сестры не достаетъ его. Старикъ мгновенно колеблется, слушая эти краснорѣчивыя рѣчи; онъ заглушаетъ внутренній голосъ и снова повторяетъ про себя: «Жаль мнѣ, очень жаль бѣдную Наденьку!»

Наденькѣ девятнадцать лѣтъ. Въ лицѣ ея много пріятности и много выраженія въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ. У нея есть голосокъ, и она недурно поетъ различные романсы, какъ-то: *Я видѣлъ дѣву на скалѣ, Цвѣтокъ, Сто красавицъ черноокихъ, Любила я* и проч. Она хорошо сложена и отличается отъ всѣхъ своихъ подругъ простотою обращенія и совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ прекрасныхъ манеръ, которыя въ сущности не что иное, какъ жеманство и ломанье...

Все это я говорю въ настоящемъ, хотя этому прошло мно-